

УДК 94 (410)

**ФОРМИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
В РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В АНГЛИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVII ВЕКА**

B. H. Erokhin

**FORMATION OF ENGLISH NATIONALISM AND ITS REPRESENTATION IN THE RELIGIOUS
AND POLITICAL STRUGGLE IN ENGLAND DURING THE FIRST DECADES OF THE 17TH CENTURY**

V. N. Yerokhin

Целью статьи является обзорное рассмотрение существующих к настоящему времени в социальных науках подходов к пониманию этничности и национализма и анализ религиозно-политических аспектов формирования английского национализма в предреволюционные десятилетия в первой половине XVII века. Автор считает, что в понимании этничности и национализма следует избегать крайностей примордиализма и конструктивизма, опираясь на конкретно-исторический материал, дающий возможность более глубоко, по сравнению с чисто социологическим подходом, выразить специфику формирования национализма в английском обществе раннего Нового времени. Рост националистических взглядов в первые десятилетия XVII века в Англии, как показал автор, выразился в том, что начавшая формироваться с 1534 г. протестантская церковь Англии все более дистанцировалась не только от католической церкви, но и от континентальных протестантских церквей, тем самым обретая собственную идентичность.

The paper aims at giving a survey of the approaches practiced among specialists in social sciences who study ethnicity and nationalism at the contemporary stage of investigations. Further on, the author considers religious and political aspects of English nationalism at its moulding stage during the pre-revolutionary decades in the first half of the 17th century. The author believes that the extremes of primordialism and constructivism must be avoided in understanding ethnicity and nationalism when relying upon particular historical facts. Such an approach based on historical methodology gives the opportunity for deeper understanding of the peculiarities of formation of nationalism in Early Modern England as compared with purely sociological methods. The author shows that the rise of nationalist opinions in England during the first decades of the 17th century expressed itself in such a course of events when the Anglican Church created by the break with Rome in 1534 began to distance itself not only from the Catholic Church but also from the Protestant Churches on the continent of Europe thus acquiring its own identity.

Ключевые слова: национализм, Реформация, история Англии раннего Нового времени, английский национализм.

Keywords: Nationalism, Reformation, Early Modern History of England, English Nationalism.

В современной исторической науке, а также в социальных науках в последние несколько десятилетий, и особенно заметно на рубеже XX – XXI вв. в одну из наиболее интенсивно обсуждаемых групп проблем, стало превращаться изучение этничности и национализма. Теоретико-методологические основы в понимании этой проблематики активно разрабатывались, в первую очередь, социологами, в результате чего к настоящему времени сложились три основных теоретических подхода к определению понятий «этнос», «этничность», «нация»: примордиализм, конструктивизм и инструментализм. Если кратко характеризовать эти подходы, примордиализм рассматривает этнос как общность людей, формирующуюся на основе наличия у них объективно существующих, особых неповторимых специфических признаков в материальной и духовной культуре, психологическом складе и поведенческих характеристиках. Эти признаки, по сути дела, онтологичны, бытийственны, и проявляются в реальной жизни в наблюдаемых исторических формах, позволяющих определить принадлежность человека к тому или иному этносу и отличить один этнос от другого. Изучение этноса, этничности, нации в социаль-

ных науках в XX в. поначалу строилось, исходя из примордиалистских позиций [2; 7].

Представители конструктивизма трактуют этнос не как объективно сложившуюся и существующую общность людей, а как социальный и интеллектуальный конструкт, искусственное социальное образование, созданное в результате целенаправленной деятельности интеллектуальных и политических элит, государственной власти. Конструктивизм в западных социальных науках заявил о себе в 1980-е гг. и обрел немало последователей, впоследствии, в том числе, и среди отечественных этнологов [1; 3; 5; 6; 20].

Инструментализм – подход, рассматривающий этнос и этничность, национальную принадлежность как инструмент для достижения различными элитами, социальными группами, отдельными людьми тех или иных экономических, политических и иных целей, в первую очередь для повышения своего социального статуса, борьбы за привилегии и власть. В западных социальных науках инструментализм тоже довольно влиятелен [10].

В современной мировой исторической науке широко распространено мнение, согласно которому историческое знание для повышения его познаватель-

ной продуктивности должно широко взаимодействовать с социальными науками. Междисциплинарность, действительно, несет историку расширение эвристического потенциала научно-исторических исследований. Вместе с тем, некоторые зарубежные историки уже давно обращали внимание и на то, что может потерять историческое исследование при безоглядной ориентации на междисциплинарные подходы, и это мнение тоже следует учитывать. В частности, известный британский историк Э. П. Томпсон уже в начале 1970-х гг. в ходе дискуссий в Великобритании о возможностях взаимодействия истории и социальных наук в статье «Антропология и дисциплина исторического контекста» привлек внимание к тому, что такие дисциплины, как антропология, социология, криминология, в сущности, являются неисторическими, отвлекаются от специфики исторического контекста. С этим и связана, на его взгляд, противоречивая и спорная природа многих социологических концепций – они ведь зачастую строятся просто на разной эмпирической базе, или под влиянием разных интуиций. Поэтому Э. П. Томпсон призывал осторожно относиться к кросс-культурным исследованиям, базирующимся на примерах, взятых из совершенно разных культур, без учета исторического контекста [30]. В историческом знании, по его мнению, все-таки не должен теряться его индивидуализирующий компонент. Социологический подход с характерным для него стремлением к обобщениям несет в себе риск потери понимания специфики исторического явления. Э. П. Томпсон для сохранения этой специфики, не отвергая социологического подхода напрочь, рекомендовал использовать также метод примеров и контр-примеров, и считал, что его еще нужно дополнить детальными исследованиями отдельных случаев (case-studies).

Широко распространившийся в понимании происхождения этноса и нации конструктивистский подход, несомненно имеющий весьма значимый эвристический потенциал, в то же время способствует формированию далеко не во всех случаях справедливого мнения, согласно которому появление и этноса, и нации является результатом проявления инициативного, волевого, организующего начала, которое воплощают социальные элиты, государственная власть. В любой традиции конструктивистский подход призывает видеть интенцию (намеренность), искусственность, результат влияния чьих-то социальных интересов, доходящих до манипуляций. В немалом количестве случаев это бывает справедливым. Но следует признать также, что сформировавшаяся традиция далеко не всегда является результатом целенаправленных манипуляций – традиция может вырастать из жизненно важного, значимого для большинства, экзистенциального по содержанию опыта, в некоторых случаях несущего в себе альтернативу жизни или смерти. Конструктивисты, анализирующие «изобретение традиции», не вполне учитывают то, что иногда поддержание традиции практически не нуждается в манипулятивных ухищрениях. Уместность традиционных памятных мероприятий, связанных, например, с трагедией белорусской Хатыни в марте 1943 г., понятна не только современникам, но и потомкам. Со

временем поддержание такого рода традиций будет нуждаться в относительно больших по объему разъяснениях и комментариях – подобные традиции тоже не вечны, но и сконструированными их называть было бы не вполне адекватно. Понятно, что конструктивизм не тождествен фикционализму, и в конструктивистском дискурсе происходит осмысление того, как формируются традиции, историческая память, но конструктивисты своим аналитическим подходом способны, в первую очередь, сделать относительным значение любых событий, не всегда при этом достаточно глубоко поняв и прочувствовав их.

При анализе конструктивистского подхода к пониманию этничности и нации даже возникает мысль, что конструктивизм, заявивший о себе в начале 1980-х гг., прямо отражает интересы глобалистских кругов в современном мире, которым национальное государство мешает в эффективном проникновении в те районы мира, где можно чем-нибудь поживиться. Конструктивизм, в котором подчеркивается конвенциональная природа национального государства, является проекцией в изучение этничности и национализма постмодернистского мировоззрения, которое готово подвергнуть деконструкции все социальные и индивидуальные явления и «вывести их на чистую воду», что не всегда способствует их адекватному пониманию. Человеческая познавательная деятельность такова, что любое осмысливаемое явление проходит через сознание, «воображается», не становясь от этого конструктивистским по характеру и содержанию, не переставая быть также бытийственным, имеющим отношение к действительности. В обсуждении этой проблемы можно только согласиться с недавно сформулированной позицией Н. А. Хачатурян и М. А. Юсима. Согласно их мнению, именно историки могут внести вклад в то, чтобы в понимании этничности и национализма уравновесить неприемлемые в чистом виде крайности примордиализма и конструктивизма [8, с. 19 – 22]. С одной стороны, действительно, и традиции не вечны, но, в то же время, и нации в подавляющем своем большинстве нельзя сказать, что являются по всем параметрам конструкциями лишь Нового времени. Историческая наука работает с фактами и осторожна, по сравнению с социологией, в каких-либо попытках воспарить к недостоверно валидным обобщениям. В происхождении наций в новое время во многих случаях можно проследить, что эти нации, особенно в моноэтнических государствах, смогли преемственно сложиться на определенном этническом субстрате, или же с доминирующим участием государство-образующего народа. В этом случае и формирование нации происходит продуктивнее, когда историческое прошлое народа не является для него изобретением, граничащим с фикцией. Как иронически отмечает М. А. Юсим, в конечном счете, специализация в рамках исторической науки, по сути дела, до сих пор этнографична. Большинство историков занимается отечественными историями своих стран. Есть также те, кого интересует история какого-то другого этноса, нации, государства. Но такой подход не означает, что целые поколения исследователей продолжают заниматься чем-то воображаемым и сконст-

руированным [8, с. 37 – 38]. «Вообразив» с исследовательскими целями этнос, нацию, историю страны, не следует отрицать онтологический, бытийственный статус этих явлений.

По давнему широкому признанию многих исследователей, одним из первых европейских национализмов Нового времени можно признать английский национализм [4; 18; 19; 27]. При этом можно утверждать, что одним из выражений процесса формирования национализма в Западной Европе в целом в XVI в. стало начало религиозной Реформации. Знаменательным в этом свете выглядит и то, что, в отличие от универсалистских устремлений католической церкви, стремившейся охватить в вероисповедном, а порой и в политическом отношении всю Европу, протестанты изначально раскололись на различные направления. В возникновении и развитии этих направлений в протестантизме явственно проявлялось влияние конкретно-исторических обстоятельств, существовавших в разных странах, складывались свои местные национализмы.

Интересно проследить, в каких формах проявлялся и на каком языке «разговаривал» этот ранний западноевропейский национализм. В английском случае непосредственным импульсом в развитии национализма стал церковно-административный разрыв с Римом в 1534 г. по инициативе правившего монарха Генриха VIII (1509 – 1547). В соответствии с мировоззренческой спецификой XVI – XVII вв. самые разнообразные проблемы общественной жизни люди, жившие в это время, осмысливали, как правило, на основе религиозных понятий, образности и символики. Так что и ранний английский национализм «заговорил» на религиозно-политическом языке, чтобы подчеркнуть специфику Англии, ее место в мире, оттолкнувшись при этом от своих противников.

После утверждения протестантизма в Англии одним из символов безусловной протестантской ортодоксии для церкви Англии, как отмечают многие исследователи, стало отождествление папы с Антихристом. Эта идея появилась в середине XVI в. в примечаниях к кальвинистской женеvской Библии при ее переводе на английский язык и в книге Джона Фокса (1517 – 1587) «Деяния и памятники церкви Англии», которую называют еще «Книгой мучеников». В результате книга Фокса приобрела основополагающее значение для протестантской церкви Англии. Церковь Англии не приняла тезис о папе как Антихристе на доктринальном уровне и не утверждала, что его признание необходимо для спасения человека. Но этой доктрины в церкви Англии придерживался широкий круг протестантов [9; 14].

Ряд историков обращали внимание на изучение антикатолических настроений в Англии в первые десятилетия XVII в. [13; 23; 32, р. 27 – 62]. Постоянная озабоченность необходимостью борьбы с католицизмом отличала не только духовных лиц, но была характерна также для депутатов парламента, мировых судей в графствах [14]. Рациональная основа антипапизма в Англии, считает Э. Милтон, состояла в служении нескольким важным целям. Прежде всего, ненависть к папизму рассматривалась как позитивное проявление

принадлежности к тем, кто исповедует истинную религию. Для пуритан повышенное чувство отвращения к папизму было одним из признаков избранности, их отличало поляризованное мировосприятие, готовность придавать провиденциальное и пророческое значение конфликтам в мирской жизни. Истинная, с пуританской точки зрения, церковь в земной жизни всегда должна была находиться в состоянии перманентной войны с силами тьмы, поэтому конфликт с римско-католической церковью был неизбежен [25, р. 171 – 175; 26, р. 35 – 36]. Страх перед папизмом способствовал также активизации работы по катехизации – углублению знаний в области доктрины [16]. Протестанты в Англии опасались прозелитической активности католиков. В жизни церкви Англии обвинение своих соперников в папизме стало также превращаться в полемическую тактику, направленную на подрыв позиции соперничающей фракции в борьбе за власть и влияние [26, р. 37 – 38, 55].

Идентификация папы с Антихристом сыграла большую роль в понимании церковной истории английскими протестантами. Апокалиптическая традиция утвердилась в английской протестантской историографии и стала способом репрезентации истории в их среде. Они использовали также текст из Откровения Иоанна Богослова 18:4 – божественное повеление покинуть Вавилон, или быть осужденным за его грехи, что стало оправданием Реформации в ответ на обвинения со стороны Рима в том, что протестанты совершили акт схизмы. Стал развиваться своего рода «апокалиптический национализм», в котором высоко оценивалась особая эсхатологическая роль Англии в итоговом разгроме Антихриста и особо подчеркивалась роль благочестивого набожного правителя в этой борьбе. Этот взгляд с присущим ему дуализмом связан с влиянием кальвинистского учения о предопределении.

Заметные изменения в церковно-административной политике произошли в то время, когда архиепископом Кентерберийским был Уильям Лод (1633 – 1645). По сей день в отечественной историографии сохраняется очень схематичное представление о фигуре Лода, деятельность которого несла в себе, в том числе, и выражение стремления англиканской церкви занять свое особое место среди протестантских церквей. Лодианство принесло с собой попытки пересмотра многих идей и позиций, существовавших в английском протестантизме во второй половине XVI в. Период возвышения лодианской группировки стал временем, когда отождествление папы с Антихристом стало превращаться в своего рода маркер принадлежности к пуританам. Лод просто стал избегать высказываний об этом и стремился трактовать разрыв с Римом как, в первую очередь, юридический, правовой акт, представлял Реформацию как мероприятие, проведенное национальными церквами для того, чтобы самоопределились, избавиться от злоупотреблений. Для Лода возможность и право на Реформацию состояли в том, что отдельные церкви все-таки имели право на то, чтобы проводить у себя реформы в том случае, если эти реформы не проводит церковь в целом. Конфликт с Римом, таким образом, переходил в плоскость спора о

юрисдикции, а не о чистоте доктрины [26, p. 117 – 121, 123 – 124].

Для многих протестантов точный статус римской церкви оставался неясным. Но все же они обращали внимание на то, что римская церковь сохранила некоторые признаки, которые давали Риму статус церкви при всех его антихристианских действиях. Даже то, что в католической церкви уселся Антихрист, в толковании некоторых умеренных английских протестантов, было свидетельством того, что римская церковь является церковью, и поэтому Антихрист увел ее с пути истинного. Обычно английские протестанты придерживались мнения, что католическая церковь – все же церковь, хотя и не подлинная: существовала теоретическая необходимость обеспечить признание возможности спасения для предков, которые входили в католическую церковь в дореформационный период. Необходима была также и борьба с сепаратистами, поэтому высказывался аргумент, что действительные таинства могут совершаться и в церкви, которая в чем-то ошибается в своей доктрине и в которой есть малограмотные и не способные проповедовать священники. Сущность же католической церкви для Лода состояла в том, что католическая церковь отвечала некоторым существенным характеристиками, позволявшим относить ее к христианским церквям – проводила крещение, верила во Христа, Писание и таинства. Римская церковь отрицала, что спасение возможно в протестантских церквях, в то время как протестанты считали возможным спасение в рамках римской церкви [26, p. 132 – 136, 153 – 155, 167].

Некоторые представители группировки Лода (например, Ричард Монтагю) считали, что церковь Англии могла бы примириться с Римом на условиях, подобных статусу галликанской церкви во Франции, резко осуждая только деятельность иезуитов и инквизиции. Но такого рода идеи среди подавляющего большинства сторонников Лода не имели отклика, к тому же в Риме в XVII в. в официальной форме отрицали, что католическая церковь во Франции имеет какой-то особый статус – Рим опасался породить дальнейшие дезинтеграционные тенденции в католическом мире [26, p. 227, 265]. Самого Лода, по мнению Э. Милтона, «мало интересовала возможность воссоединения с Римом на условиях, подобных положению галликанской церкви». Лод был решительным образом против совместного причастия с католиками (intercommunion). Хотя лодианцы отошли от прежнего антипапизма англиканской церкви времен Елизаветы и Якова I, никто из влиятельных представителей этой группировки даже не думал об обращении в католицизм, сосредоточивая свои интересы на защите независимости церкви Англии. Лодианцы искренне не видели причин для перехода в католическую церковь, которую рассматривали как не реформированную, исповедующую доктрину, уступающую по убедительности доктрине церкви Англии [26, p. 366 – 369; 31].

Историки обсуждают также вопрос об отношениях церкви Англии с лютеранами. Лютеранскую доктрину в Англии признавали протестантской, хотя труды лютеран, как считает Э. Милтон, в Англии знали плохо.

Среди англиканских богословов преобладало мнение, что церковь лютеран недостаточно реформирована – в ней сохранились картины на религиозные сюжеты, напоминавшие образа. Главными спорными вопросами в полемике с лютеранами были лютеранское понимание Евхаристии как консубстанции и вездесущность Христа в Евхаристии (ubiquity), понимание свободы воли и предопределения. Позиция лютеран считалась безупречной в вопросе об оправдании верой. Англикане-сторонники епископального строя в управлении церковью критиковали лютеран относительно меньше, чем остальные кальвинисты. Существовало также политическое недоверие к лютеранам из-за частой готовностью немецких лютеран сговариваться с имперскими властями в Германии в ущерб кальвинистам в XVI в., что повторилось и в XVII в.: во время Тридцатилетней войны (1618 – 1648) лютеранская Саксония помогала католикам в борьбе с германскими кальвинистами. В то же время потребность в политических контактах с лютеранами не исчезала – лютеранская Швеция в 1630-е гг. превратилась в одну из опор Реформации в Европе [26, p. 386, 389].

Лодианцы в середине 1630-х годов установили контакты со шведской лютеранской церковью. Обдумывалась даже возможность создания общего вероисповедания для церкви Англии, Швеции и Дании. За этим стояла возможность создания северного протестантского союза против Габсбургов, в который организаторы не хотели приглашать кальвинистские церкви Нидерландов. Историки все же придерживаются мнения, что переговоры о возможности объединения с лютеранами для создания северного протестантского союза были для Англии лишь политическим маневрированием. Лод в своих высказываниях близко подходил к тому, чтобы отказать в статусе церковей тем континентальным протестантским церквям, в которых не было епископального строя управления, как у лютеран [26, p. 444, 454 – 455; 28; 29].

Исследователи также обращают внимание на то, что в первые десятилетия XVII в. в церкви Англии происходило переосмысление отношения к кальвинизму. Тем не менее, признано, что 39 статей были вполне совместимы с кальвинизмом, который доминировал в английских университетах, где получало образование английское духовенство [22, p. 52 – 53]. Лод же исходил из того, что церковь Англии должна быть самостоятельной по отношению к континентальным реформированным церквям и к кальвинизму. Среди англиканских богословов нарастало стремление к утверждению собственной идентичности без отождествления себя с каким-то другим направлением в Реформации [26, p. 432 – 438]. В церкви Англии с начала XVII в. появились притязания на то, что она является лучшей среди всех протестантских церквей по уровню образованности духовенства. В отношении же иностранных реформированных церквей говорилось о низких доходах священников, их слабой образованности, что не давало им необходимой степени влияния и возможности бороться с различными сектами. Карл I заявлял, что Реформация церкви Англии происходила

самостоятельно и не имеет отношения к Реформации какой-либо другой церкви [24; 26, p. 496 – 502].

Во взаимоотношениях с континентальными протестантами у англичан с начала XVII в. также стали проявляться соперничество и ксенофобия. Лодианцы были против того, чтобы вмешиваться в европейские дела на стороне протестантов, и считали, что интересы внешней политики страны должны определять, с кем из зарубежных протестантов можно поддерживать контакты [21; 26, p. 503 – 515]. Становление англиканской церкви состояло в том, чтобы отойти от ранней реформационной идентичности и занять свое собст-

венное место. Идентичность англиканской церкви и будущая *via media* (средний путь) были возможны только при разрыве с континентальным кальвинизмом [26, p. 527, 531; 33]. При этом большинство населения – носители массового сознания не могли вникнуть в такие детали. Внешне же действия лодианской группировки напоминали попытку рекатолизации церкви Англии, вызывая опасения светских лиц, которые и по религиозным, и по материальным причинам не хотели возвращения католицизма. Католицизм к 1640 г. уже представлялся большинству англичан чуждым и опасным.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
2. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.
3. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
4. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2008.
5. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
6. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.
7. Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменений этнических и этно-природных явлений. Шанхай, 1923.
8. Этнос и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2015.
9. Banckham R. Tudor Apocalypse. Abingdon, 1978.
10. Bell D. Ethnicity and Social Change // Glazier, Nathan and Moynihan, Daniel (Eds). Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge (Mass.), 1975.
11. Capp B. The Political Dimension of Apocalyptic Thought // Patrides, C. A. and Wittreich, J. (Eds.). The Apocalypse in English Renaissance Thought and Literature. Manchester, 1984.
12. Christianson P. Reformers and Babylon. Toronto, 1978.
13. Clifton R. The Popular Fear of Catholics during the English Revolution // Past & Present. 52. 1971.
14. Fincham K. Prelacy and Politics: Archbishop Abbot's Defence of Protestant Orthodoxy // Historical Research. № 61. 1988.
15. Firth K. The Apocalyptic Tradition in Reformation Britain 1530 – 1645. Oxford, 1979.
16. Green I. «For Children in Years and Children in Understanding»: the Emergence of the English Catechism under Elizabeth and the Early Stuarts // Journal of Ecclesiastical History. 37. 1986.
17. Haller W. Foxe's Book of Martyrs and the Elect Nation. London, 1963.
18. Hastings A. The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge, 1997.
19. Hill C. Antichrist in Seventeenth-Century England. Oxford, 1971.
20. Hobsbawm E., Ranger T. (eds.). The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
21. Hoyle D. M. Near Popery Yet No Popery. Theological Debate in Cambridge, 1590 – 1644. Cambridge University PhD, 1991.
22. Kendall R. T. Calvin and English Calvinism. Oxford, 1979.
23. Lake P. Anti-Popery: the Structure of a Prejudice // Cust, R. and Hughes, A. (Eds.). Conflict in Early Stuart England. London, 1989.
24. Lake P. The Laudians and the Argument from Authority // Kunze, B. Y. (Ed.). Court, Country and Culture. Rochester, 1992.
25. Lake P. The Significance of the Elizabethan Identification of the Pope as Antichrist // Journal of Ecclesiastical History. 31. 1980.
26. Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995.
27. Newman G. The Rise of English Nationalism: A Cultural History, 1740 – 1830. London, 1987.
28. Sommerville M. R. Richard Hooker and his Contemporaries on Episcopacy: An Elizabethan Consensus // Journal of Ecclesiastical History. 35. 1984.
29. Sommerville J. P. The Royal Supremacy and Episcopacy «Jure Divino», 1603 – 1640 // Journal of Ecclesiastical History. 34. 1983.
30. Thompson E. P. Anthropology and the Discipline of Historical Context // Midland History. № I. 1972. P. 41 – 55.
31. Tighe W. J. William Laud and the Reunion of the Churches: Some Evidence from 1637 and 1638 // Historical Journal. 30. 1987.

32. Weiner C. Z. The Beleaguered Isle. A Study of Elizabethan and Early Jacobean Anticlericalism // Past & Present 51. 1971.
33. White P. The Via Media of the Early Stuart Church // Fincham K. (Ed.). The Early Stuart Church. London, 1993.

Информация об авторе:

Ерохин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного университета, erohin_vladimir@inbox.ru.

Vladimir N. Yerokhin – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department of Documentation Studies and Universal History, Nizhnevartovsk State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.